

ческомъ родѣ, ни исторической, ни логической, ни предметной, истинный во всемъ хаосъ. Онъ не признаетъ священства, богооткровенного сказанія о началѣ міра и человѣка и жизни человѣческаго рода до потопа и послѣ потопа, не вѣритъ въ сказаніе о потопѣ и жизни людей послѣ потопа; не видитъ цѣли потопа, не признаетъ нравственнаго закона и Законодателя и Судіи человѣческаго рода и каждого человѣка въ отдѣльности; все онъ отвергаетъ, все считаетъ за сказку: связь Ветхаго Завѣтъ съ Новымъ и премудрый, праведный и всеблагій судьбы Божіи въ человѣческомъ родѣ,—постепенное приготовление людей къ принятію обѣщаннаго Мессіи—Спасителя чрезъ обѣтованія, пророчества и прообразованія,—пришествіе въ міръ обѣщаннаго Спасителя, Его безсѣменное рожденіе отъ Духа Св. и Дѣвы Маріи, словомъ, отвергаетъ Богочеловѣчество Христа и всѣ догматы христіанской вѣры. Съ такимъ невѣромъ, ослѣпившимъ себя добровольно, говорить серьезно ни о чёмъ святомъ нельзя.

«Никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и ему же аще волитъ Сынъ открыти» (Мо. 11, 27),—читаемъ во св. Евангеліи. Безъ откровенія Божія падшій умъ человѣческій не можетъ познать таинство Святой Троицы. И Богъ вѣрующимъ въ простотѣ сердца открываетъ эту тайну, насколько можно открыть это непостижимое естество. Толстому, по его гордости, лукавству и безвѣрію, не открыта эта тайна и онъ не вѣритъ ей и глумится надъ ней. Онъ, въ своей богохульной брошюрѣ, все дорогое, святое, праведное утѣшительное, спасительное, просвѣтительное,—все, чѣмъ живеть, дышеть, крѣпится душа христіанская, все отнимаетъ и самъ на мѣсто отнятаго ничего не даетъ, и оставляеть душу въ хаосѣ, пустотѣ, мракѣ, въ состояніи безутѣшномъ и безпросвѣтномъ. Это вольное сумасшествіе; у него, Толстого, почираніе всѣхъ законовъ мышленія,—всякой истины и правды, у него катанинскаѧ, полная безстыдства, хитросплетенная, насмѣшиливая надъ ишней святыней ложь.